
18+
ВИТАМИННЫЙ МАЛЬЧИК

Евгений Капачевский

Витаминный мальчик

«Автор»
2026

Капачевский Е.

Витаминный мальчик / Е. Капачевский — «Автор», 2026

В двенадцать лет у него были ясные голубые глаза, светлая улыбка и мама, которая работала на две ставки, чтобы у сына было всё. В девятнадцать от того мальчика осталась лишь бледная тень: семь лет в «скоростном» амфетаминовом тумане выжгли здоровье, разорвали связи в мозгу и превратили жизнь в вечную погоню за дозой.Попытка подзаработать на закладках в ноябрьском Бресте заканчивается жестким захватом наркоконтроля, судом и приговором: пять лет колонии усиленного режима.За колючей проволокой у Жени остается только два пути — сгнить в отходняках и тюремной пыли или переломить себя через нечеловеческую боль. Случайная встреча в камере со старым инженером-конструктором становится его последним шансом. Пять лет жестких тренировок на турниках, изучение наук, борьба с местными «авторитетами» и седые волосы матери на свиданиях.Сможет ли «витаминный мальчик» сжечь прошлое дотла и выковать из себя настоящего мужчину?

© Капачевский Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Капачевский
Витаминный мальчик

Витаминный мальчик

Глава 1. Белый порошок

В двенадцать лет мир кажется огромным, жестким и несправедливым. Когда ты худой, нескладный пацан из спального района Бреста — где-нибудь на Ковалёвке или в Южном, — у которого вечно не хватает ни веса, ни смелости, чтобы дать сдачи старшим во дворе, хочется одного: стать сильнее, быстрее и незаметнее для чужих ударов.

Женя рос вдвоем с матерью. Отец ушел из семьи, когда мальчику едва исполнилось три года, растворившись в чужих городах без алиментов и звонков. Вся тяжесть жизни легла на плечи Елены Сергеевны — невысокой, тихой женщины с усталыми серыми глазами, работавшей медсестрой в областной больнице на две ставки. Она тянула сына из последних сил: отказывала себе в новом пальто, брала ночные дежурства, чтобы купить Женьке хорошие кроссовки и нормальную еду, и каждый вечер, возвращаясь со смены, целовала его в макушку, шепча: «Ты моя главная опора, сынок».

До двенадцати лет Женька рос удивительно светлым, открытым ребенком — словно настоящий ангелочек со старой открытки. У него были густые, чуть вьющиеся темные волосы, большие, ясные голубые глаза, в которых светилось наивное доверие ко всему миру, и открытая, обезоруживающая юношеская улыбка с ямочками на щеках. Соседки по подъезду не могли налюбоваться на вежливого, смышленого мальчишку, который всегда помогал донести тяжелые сумки и обожал свою маму. В его чистом взгляде не было ни капли злости или хитрости — только тихая, домашняя теплота, которую Елена Сергеевна так старательно оберегала от суровой уличной жизни.

Но в двенадцать лет материнская нежность перестает защищать от уличной жестокости. Свой первый «витамин» Женя попробовал в седьмом классе, за гаражами у старой котельной недалеко от железной дороги. Старшие пацаны называли это просто — «скорость» или «витамин», уверяя, что от него не тупеют, как от дешевого пива, а наоборот — голова начинает работать как суперкомпьютер, усталость исчезает, а страх выключается одним щелчком.

В первый раз так и случилось. Через двадцать минут после того, как горький белый порошок обжег слизистую, внутри Жени словно взорвалась сверхновая. Надпочечники выбросили в кровь ударную дозу адреналина и норадреналина, а префронтальную кору затопил океан чистого, концентрированного дофамина. Сердце заколотилось как отбойный молоток, разгоняя горячую кровь по тонким подростковым венам. Вся серость двора и вечная неуверенность в себе испарились за секунду. Ему казалось, что он может перепрыгнуть пятиэтажку и заговорить любого человека на свете. Мозг, обманутый дешевой химией, поставил жирную галочку: «Вот оно, идеальное топливо».

Женя еще не знал, что этот дофаминовый триумф — всего лишь кредит под чудовищные проценты, расплачиваться за который придется собственной жизнью и седыми волосами матери.

Незаметно пролетели семь лет. Двенадцать сменились пятнадцатью, потом восемнадцатью, а в девятнадцать Женя уже не помнил, каково это — просыпаться утром без тяжелого, свинцового гула в висках и сосущей пустоты под ребрами. Организм перестал вырабатывать собственные гормоны радости. Без очередной дозы Брест с его зелеными бульварами и тихим течением Мухавца превращался в выжженную серую пустыню, где каждый звук резал по нервам, а тело казалось налитым мокрым песком.

К девятнадцати годам «витаминный мальчик» окончательно превратился в тень. При росте метр восемьдесят он весил чуть больше пятидесяти килограммов. Острые скулы обтягивала бледная, почти прозрачная кожа, под глазами залегли глубокие синие круги, а пальцы на руках мелко подрагивали, даже когда он сжимал их в кулаки.

Но страшнее всего было смотреть на мать. Елена Сергеевна, которой едва исполнилось сорок два года, постарела за эти семь лет на два десятка. В её темных волосах густо проступила седина, плечи ссутулились, а в глазах поселился вечный, леденящий душу страх. Как медик, она с первых месяцев поняла, что происходит с сыном. Она плакала по ночам в подушку, чтобы не разбудить его, стояла на коленях у кровати, умоляя лечиться, водила к врачам, прятала последние сбережения. Женя клялся, бил себя кулаком в грудь, искренне ненавидел себя в минуты просветления, но стоило накатить очередному «отходняку» — и он снова врал ей в глаза, выносил из дома мелкие вещи или выпрашивал последние рубли «на проезд».

А потом деньги кончились совсем. На работе он не задерживался больше двух недель — срывался, пропадал, не выходил в смены. И когда в очередной раз накрыл ледяной, выворачивающий суставы голод, знакомый барыга предложил простой выход:

— Бери вес, раскидаешь по своим на районе — и себе на дозу останется, и карман не пустой. Всё чисто, никто не сдаст.

Внутренний голос пытался слабо пискнуть об опасности, но дофаминовый голод заткнул ему рот. Женя кивнул. Он думал, что контролирует ситуацию, что проскочит по краю и вовремя соскочит. Он не понимал, что в этот самый момент капкан за его спиной уже начал захлопываться.

Глава 2. Капкан

Это случилось промозглым ноябрьским вечером в старом парке на окраине Бреста, неподалеку от заброшенных складов у Варшавского шоссе. Мелкий, колючий дождь смешивался с мокрым снегом, фонари тускло желтели сквозь сырую мглу. Женя шел быстрым, дерганым шагом, то и дело оглядываясь по сторонам — нервная система, истощенная годами стимуляторов, выдавала дикую паранойю от каждого шороха ветки. В правом кармане старой куртки лежали шесть расфасованных свертков, в левом — телефон с координатами.

Он не успел сделать и десяти шагов к неприметному бетонному столбу у тропинки, как из темноты кустов бесшумно выросли три крепкие тени.

— Стоять! Наркоконтроль! Руки за спину, не дергаться! — хлесткий, жесткий окрик разорвал сырую тишину парка.

В тот же миг сильные руки заломили ему запястья назад, сбив с ног прямо в холодную, грязную листву. На запястьях с сухим, металлическим клацаньем защелкнулись стальные наручники. Сердце Жени подскочило к самому горлу и забилось так бешено, словно пыталось проломить грудную клетку. В голове зазвенела мертвая пустота. Он даже не пытался вырываться — тощее, обессиленное тело безвольно обмякло в грязи под тяжестью оперативников.

— Сбыт в крупном размере, парень, — глухо произнес один из бойцов, доставая из его кармана свертки под вспышку фотоаппарата понятых. — Приехали.

Но самый страшный удар ждал его не в отделе и не на допросе. Самый страшный удар случился через два дня в зале суда, когда решался вопрос о мере пресечения.

Когда конвой завел его в клетку, Женя поднял мутные, ввалившиеся глаза — и замер. На первой скамье сидела его мать. Елена Сергеевна сжимала в побелевших пальцах старый носовой платок. Она не кричала и не билась в истерике. Она просто смотрела на него — и в этом тихом, раздавленном взгляде было столько нечеловеческой, выжигающей дотла боли, что Женя впервые за семь лет почувствовал, как в груди разрывается что-то живое. Она отдала ему всю свою молодость, здоровье, каждую копейку — а он стоял перед ней за железными прутьями, худой как скелет, сломанный и обреченный на годы за решеткой.

— Прости меня, мам… — одними губами прошептал он, и горячая слеза впервые скатилась по его впалой щеке.

Елена Сергеевна лишь беззвучно кивнула, прижав ладонь к дрожащим губам, чтобы сдержать стон.

А потом захлопнулась тяжелая металлическая дверь камеры в брестском следственном изоляторе. И начался настоящий физический и химический ад.

Первые трое суток организм Жени еще держался на остатках химии, но на четвертый день дофаминовый резервуар опустел до самого дна. Наступила жесточайшая отмена. Мозг, привыкший получать искусственный допинг извне, полностью заблокировал выработку собственных нейромедиаторов. Каждая клетка тела кричала от нехватки привычного яда.

Его трясло так, что стучали зубы, хотя в камере было душно. По спине и груди градом катился ледяной, липкий пот, пропитывая тонкую майку насквозь, а через минуту его начинало жечь изнутри, словно по венам пустили кипяток. Мышцы ног и рук выкручивало тупой, грызущей судорогой — казалось, что кости медленно перемалывают в труху. Голова раскалывалась от давящей, пульсирующей боли, а в ушах стоял непрерывный, сводящий с ума звон.

Но хуже физической ломки была черная, удушающая бездна внутри сознания. На него навалилась такая лавина первобытного ужаса, тоски и дикой ненависти к самому себе, что хотелось биться головой о бетонную стену. Перед закрытыми глазами стояло осунувшееся, седое лицо матери на скамье в суде. Сон исчез полностью — пять суток подряд он лежал на жестких нарах, уставившись в серый потолок, задыхаясь от панических атак и собственного бессилия. В эти дни «витаминный мальчик» умирал — медленно, мучительно, сдирая с себя остатки прошлой жизни вместе с кожей.

Глава 3. Вход

На шестые сутки физический ад в карантинной одиночке начал медленно отступать. Тряска в руках утихла, сменившись глухой, свинцовой слабостью, словно из мышц выкачали всю силу. Голова больше не раскалывалась, но внутри черепной коробки гулял ледяной сквозняк, а под ребрами намертво поселилась черная, сосущая пустота. Организм, семь лет живший на форсаже искусственного дофамина, теперь напоминал машину со сгоревшим двигателем.

Утром седьмого дня в замке с тяжелым металлическим скрежетом провернулся ключ. Дверь камеры распахнулась, и на пороге появился корпусной в серой форме с журналом под мышкой.

— Кравчук! На выход с вещами. В общую камеру переводим.

Женя молча поднялся с жестких нар. Ноги подкашивались, в глазах на миг потемнело. Он подхватил тощий пакет с выданной казенной простыней, кружкой, зубной щеткой и передачкой от матери — парой пачек дешевого чая, мылом и теплыми шерстяными носками, от которых до сих пор пахло её руками и больничным мылом. Сердце болезненно сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.